

Дорогие товарищи!

Не какому слов моей бесконечной благодарности за благородство людей, которое делают все возможное, чтобы возродить память честнейших, настоящих коммунистов невинно убитых и расстрелянных.

Постараюсь коротко, если мне это удастся, рассказать о судьбе моего мужа, расстрелянного в 1938г.

Значительно раньше я хотела об этой трагедии написать в вашу газету "Красные Знамя", но не могла заставить себя: ведь именно эта газета широко сообщила, что мой муж, будущий директор электростанции, хотел её взорвать. Я понимаю, это время другое и люди не те, но не могла — это было сильнее меня, а к кому обратиться еще, я в то время не знала.

О муже. Мой муж — Дузаев Александр Деметьевич работал директором электростанции в г. Томске, оборудование которой было изношено до предела. Обеспечить бесперебойную работу было невозможно. Тогда решено было начать монтаж новой турбогенератора. Его собирали по частям. Муж ездил в Москву, Ленинград, на Каширскую ЭЭС. В то время ему предлагали работать в Москве, но он отказался.

К 1932г существовавшая станция была изношена, требовалось ее дальнейшее увеличение. Было построено новое кирпичное здание машинного отделения, новое здание котельной и в них устанавливалось новое оборудование. К концу 1937г был установлен турбогенератор № 4 — самый мощный (для того времени) из всех, которое были установлены до моего мужа и после. Об этом мне написали товарищи из Управления Тепловых сетей по Томскэнерго.

Мой муж день и ночь был на электростанции — не спал, не досыпал, весь погруженый в напряженный труд.

Он не только труд, знания, здоровье, он душу отдавал этой работе. 17/II 1937г монтаж был закончен, а вечером этого дня арестовали моего мужа и его инженера Иванова Д.Н. В ту ночь до рассвета двое военных дежали у нас обок, но, как и следовало ожидать, удались ни с чем.

На следующий день в местной газете "Красные Знамя" появилась статья, в которой говорилось, что матерые враги народа Дузаев А.Д. и Иванов Д.Н. хотели взорвать электростанцию, но наши славные чекисты поймали их за руку. Это я пишу по памяти, но почти дословно. Такое обвинение было глумливой. Мой муж был настоящим коммунистом, огнем честным и кристально чистым. Для него партия была святым. Это не предвзятое мнение жено, это святая правда.

На следующий день освободили Иванова Д.Н., чтобы осуществить пуск турбины. Вскоре он исчез - думаю он разделил участь моего мужа, но это мое предположение.

Всю зиму я вставала в здании КГБ, как и многие другие, чтобы хоть что-то узнать о судьбе моего мужа и просить дать возможность сделать передачу, но с грубым скриком: "никаких справок не даем", передо мной зашепталось "окошко". И вдруг, числа 12/VI 1938г меня вызвали в 11г. вечера, а приняла в 22 ноги. Были где-то позешного туннелем (я решила, что в камеру и бола в уюте, что меня разлучат с ребенком, кот. бол для меня дороже собственной жизни), но вдруг появился просвет и я поднялась по лестнице с великим шумом дерюжками. Привели меня к следователю, фамилию которого не сказали. Сначала следователь, осмлив меня лаленной, проводил допрос. Но я бола в шок и слова в горле не давал мне возможности что-то сказать. Потом он отставил лаленку, дал возо и стал со мной довольно дружелюбно беседовать, ницего не записывая. И даже сказал: "не волнуйтесь, я к вашему мужу хорошо отношусь и даже покупаю ему мажорку". Когда я уехала, он мне сказал, что я могу сделать передачу - привез все теплое.

17 июня, опять заса в 2 ноги, у меня приняла передачу: все теплое, вместе до полушубка и сестные. Когда военкой все это взяла, следователь передал мне носовой платок. В 3 часа ноги я бола и думаю, что в этом платке есть намек на дальнейшую судьбу мужа. Так и оказалось: на платке бола тонкой работой вышивка моего платья и мужа (только он бола в арестантской шапке) и кусочек напирсаной бумаги, на которой бола презабывное слова: на память любимой... 17 июня 1938г.

А 22 июня, его не стало. Но об этом я узнала спустя 20 лет, когда разрешили делать запросы родные и мне сообщили с приговоре и его посмертной реабилитации. В чем его обвинили, мне тогда не сообщили. Я очень все тяжело пережила. Когда я передавала теплое вещи, я думала, что мужа восполнят на север без права переписки, это не легко, но не смертельно (в то время многих расстреливали). Господи, как я заблуждалась. Муж или можно быстрее закончить мембрак - помогло горю, дать людям больше света, а в это время ему готовили 3 страшные статьи - 58-8, 58-9 и 58-11 ^{якобы} как участнику антисоветской право-троцкистской организации, чтобы обосновать расстрел. Какая жадность!

Мне было очень плохо, я попала с кровоизлиянием в нервную систему и с 1958г я потеряла слух навсегда - физико сказались и переживания тех лет.

После ареста моего мужа, я осталась с 4-х летним ребенком и больной матерью. Квартиру меня попросили освободить. Сначала разрешили пожить в маленькой комнатке (там, кто занял квартиру), но пришел военный и сказал немедленно освободить и эту комнатку. Нет, он не волнует меня на улицу, хотя там, куда он меня привел, было хуже. Это был грязный, холодный (без отопления), без окон коридор. По одну сторону двери к кухне, по другую - уборная (канализация не была). В коридоре было зловоние. Я все сделала могла - лишь бы не разлучили с ребенком. Тогда меня не принимали на работу. Когда я приходила, стала сомнамбулькой, но когда я подавала паспорт, они говорили: "ах, так это ваш муж был директором?" и т.д." и по всяким предлогам отказывали. Я очень нуждалась. На этом мучарства мои не закончились, но я все же о себе - так себе.

Месяца 2 назад на мой запрос в Военную Коллегию о том, какие обвинения предъявили моему мужу и о месте захоронения, они ответили, что по статьям 58-8, 58-9 и 58-11 Дудяев А.Ф. был приговорен к расстрелу. Дополнительное расследование установило, это суждение не обосновано.

Определением Военной Коллегии от 6 марта 1958г приговор отменен и Дудяев А.Ф. реабилитирован посмертно.

Одновременно мне сообщили, что о месте захоронения нужно обратиться в Томское КГБ, это я и сделала. Оттуда ответили неадекватно: с выражением искреннего сожаления сообщили, что о месте захоронения они сказать не могут, а расстрелян он был в г. Новосибирск. Я предположила, что если в г. Новосибирске есть крематории, то прах расстрелянных увезли на удобрения в колхозы - так делали в Москве, как я узнала из "Огонька".

Это глуповато, ведь не враги, не фашисты такие творили - соотечественники!

Кроме того сообщили, что данные о муже направлены в Томское Управление тепловых сетей по их запросу. В связи с написанной историей первой в

и одной из первых в России
Сибири электростанции, руководителем которой был
мой муж. Это для меня большой подарок судьбы.

Дорогие товарищи! Помогите, если возможно,
и вы восстановите его доброе имя и честь. Мой муж
заслужил это право своей страшной судьбой!

Ведь он был судовиенно обман прессой!

Останься с великой надеждой, что имя моего
мужа — Дудаева Александра Деметриевича не будет
забыто организацией "Мемориал".

Примите мои лучшие пожелания. Успеха
Вам в таком благородном деле, как восстановление
справедливости в отношении невинно погибших
людей.

20/XII - 89

Дудаева Александра Васильевна

P.S. У моего мужа есть внуки. Внушка с стипендией
окончила институт - геолог.

Внук работает главным геологом Управления в
Якутии. Ему столько лет, сколько было его деду,
когда его ^{Уважаемая Александра Васильевна!} не стало - 37 лет.

Спасибо за Ваше теплое письмо, за поддержку нашего святого дела.
Наверное, мы все же опубликуем отрывки из Вашего письма в "Красном
знамени". Нынешний гл. инженер "Томскэнерго" М.И. Яворский - мой уче-
ник. Он обещал мне и по службе, и по дружбе помочь в деле увековече-
ния памяти Вашего мужа и Д.Н. Иванова (он расстрелян, реабилитирован),
как и многих, многих других. Будут какие-то новости - обязательно на-
пишу.

С искренним уважением

2.2.90 г.

634034, Томск, Красноармейская, 135, кв. 53, Лев Федорович Пичурин,
профессор пединститута, член Совета "Мемориала"

320024, Днепропетровск, пр. К. Марка 20, № 14

А. В. Дудаев

Уважаемый Лев Федорович!

12.02.92 ^{извини}
Артикулар, Коллегии
12-й год.

Получила от Вас книгу "Большая людская". Не забота и
Ваша, благодарность моя велика.

Намногом воспоминания, боюсь. С глубокой горечью
узнала как много знакомых, у которых такое траги-
чески оборвалась жизнь, как у моего мужа. Легко и боюсь
знакома с проф. Инокентием Николаевичем Бутяковым.
С Николаевичем Г.Р. жила в одной квартире. Их обвинение
в заговоре в то время - это совершеннейший абсурд.
Знала я Камкина А.М. - директора ин-та, профессора
Залатова, Реверзатто, Усова, доцента Еланского и его сына.
Господи, сколько поубеждено убитых, талантливых людей
в застенке 37-38 гг. Это ужасно!

Лев Федорович! Премно помню меня правдиво.
Я очень высоко оценила титаническую работу соста-
вителей книги - это поистине величайший труд, но
тем не менее я очень огорчена тем, что в книге
тишайшим образом указан наш адрес (МН дома и квартиры),
а в отношении должности написано, что муж
работал электриком на ТЭЦ. Он никогда не
работал электриком. После окончания ин-та был остав-
лен на кафедре - читал лекции, был директором заочной
обучения. Позднее, по решению горкома партии, его
назначили директором ТЭЦ. Делаю выписку из
извещения Военной Коллегии. Думаю при составлении
этой книги пользовались этими документами.

— На Ваше заявление сообщаем, что Дудяев А.Ф.,
1903г рождения до ареста - директор Томской электро-
станции, был осужден 22 июня 1938г Военной Коллегией
Верх. суда СССР по ст.ст. 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР к
расстрелу по обвинению в том, что он якобы являлся
участником антисоветской правотроцкистской организации.
Проведенной дополнительной проверкой более установлено,
это суждение необоснованно и нет состава преступления.
Дело Дудяева А.Ф. прекращено, приговор отменен и 6 марта
1958г определением Военной Коллегии он реабилитирован
посмертно. Военная Коллегия не располагает данными
о месте и точной дате приведения приговора в исполнение.
В тот период по делу приговора приводившиеся в
исполнение немедленно, а места захоронения не фиксируются.

А дальше выражение соболезнования... Аналогичное извещение я получила и из Томского КГБ.

Лев Федорович! Передо мной литературная газета со страшней по своей сути статьей в Запечью: "Егор, ты не прав?" - трагедия в Колпашевском яру. Эту статью нельзя читать без содрогания. Какое наругательство над каменными! Неужели судьба не накажет виновных?! Судя по поведению Шмагалева он не отдался даже легким испугом и с гордостью говорил о своих заслугах работы тех лет. Да, Лев Федорович, если у него были действительно заслуги, но он давал непосредственные указания в отношении этого захоронения, то все его заслуги пережретуют черной чертой. Это было страшно, очень страшно! Мой муж тоже расстрелян в г. Новосибирске. Можете ли вы разделить участь этого зверского захоронения?!

В моем случае я отстаиваю достоинство своего мужа не для престижа - он уже никому не нужен, а за попытки оправдания и трагическую смерть он заслуживает более бережного отношения (не директор и даже не инженер, а просто электрик).

Лев Федорович! Мне очень неудобно вас беспокоить - я и так бесконечно обязана Вам. Но я хотела узнать: существует ли счет мемориала? Я живу скромно, но сделать памятник - мой святой долг. И еще я бы хотела иметь все тома "Книги памяти" - слишком много у меня знакомых о судьбе которых я не знаю, но думаю, что они стали такими же жертвами, как и мой муж. На это лишь я могла бы сделать перевод за присланные и последующие книги?

Невозможно выразить словами чувства моей благодарности за Ваше участие в судьбе моего мужа и по мне - далекому, незнакомому человеку.

С глубоким уважением Дудаева
А.В.

28/V-1992г.

Уважаемый Лев Федорович!

Получила Ваше письмо, но своевременно не ответила - находилась в больнице.

За проявленную Вами заботу и душевную доброту по отношению моего мужа в смысле восстановления его доброй имени и, в частности, ко мне, благодарность моя неизмерима.

В своей негосте я была очень одинока, была отверженной, особенно после статьи в газете, что мой муж хотел взорвать электростанцию. Как следствие этой статьи - маленький эпизод того времени. Когда меня переселили в злобный коридор, где было невозможно жить с ребенком и матерью, я стала искать на окраине город уюта для жилья. Нашла, переломала пол языка и стала готовить ужин. Вдруг выходит хозяйка (пожилая женщина) и спрашивает: "а где же ваш муж?" Я наклонила голову над плитой и тихо ответила: "у меня нет мужа". Она: "Да! Вы думаете, что переехали на окраину, так вас никто не знает. Ишь, пошел, хотел взорвать электростанцию, его надо было не посадить, а расстрелять". Вот так. Как Вы знаете, ее пожелания сбываются. Как же эта женщина была жестока, ведь видела, что я очень молода (мне было 25 лет), что я очень негостя и главное совершенно беззащитна. Пусть прошло полстолетия, но заботы гостения невозможно: на работу не принимали и не было даже маленького уголка для жилья.

Нет, прошлое всегда со мной. Поэтому мне сейчас так ценно проявление внимания, понимания и участия к моему прошлому.

Искренне признательная Вам Дудаева